

фантастическая
история

Цикл

«Лал — камень любви»

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА
НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОЛКОВОДЦЕМ
ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА

Цикл

«Эффект стрекозы»

НАЙТИ СЕБЯ
ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО?
ПРАВДИВЫЙ ЛОЖЬЮ
ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ
ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

Цикл

«Обреченный век»

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ
КРЕСТ И ПОСОХ
ОКО МАРЕНЫ
ЗНАК НЕБЕС

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Валерий Елманов

Знак небес

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Е46

Елманов В. И.

Е46 **Знак небес: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 442 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1211-2

Попавшему в тело рязанского князя Константину предстоят новые испытания. На этот раз его соперник, князь Переяславля-Залесского Ярослав, решил действовать хитрее: создать целую коалицию и ударить сразу с трех сторон. И Константину впору взвыть от досады, ибо времени до прихода татар на Калку все меньше, а у него вместо заветного объединения Руси пока что получается новая междоусобица. Выходит, рязанскому князю надо не просто выстоять в ней, добившись победы, но и постараться, чтобы жертв оказалось как можно меньше.

А тут еще и Волжская Булгария зашевелилась, решив под шумок русский город спалить. Такое тоже прощать нельзя — уважать перестанут. Да и сам Константин хорош: совсем забыл наказ старого волхва постоянно носить на груди заветный оберег-змеевик, дающий силы противостоять Хладу. И стоило князю ненадолго снять его, как тут-то все и началось — уж больно неподходящий момент для этого выбрал рязанец...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Елманов В. И., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1211-2

*Моим дорогим любимым сестрам Валентине СЕРГЕЕВОЙ,
Тамаре ДЕМИНОЙ и Людмиле ПАНИНОЙ
посвящаю эту книгу*

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро...
Александр Пушкин

Пролог
ДУМНАЯ СВЕТЕЛКА

Рязанский князь Константин стоял в своей светлице, которую по его повелению надстроили на самой верхотуре его нового терема. Простор, ах, какой простор открывался перед его глазами. Серебро воды в Оке, золотой багрянец осеннего леса чуть дальше, а если повернуть голову влево, тяжелый шар красной меди, низко нависший над речной гладью.

Сложно сказать, почему именно эти закатные часы сильнее всего нравились Константину. Нет, любил он и ночную звездную россыпь, и пронзительную небесную синеву солнечных дней, и розовеющую утреннюю зарю, но вечер оставался особым временем суток, самым-самым.

В такие минуты он отдыхал душой, на время отогнав от себя всевозможные хлопоты и заботы. Мысли его плавно плыли, неспешно переходя от одного к другому. И, странное дело, хоть они в основном и не касались каких-либо практических вопросов, но, как успел заметить Константин, после такого пребывания в своей наблюдательной башне (так он мысленно называл свою светелку) в ближайшие часы, чем бы он ни занимался, все спорилось, ладилось, а варианты выхода из сложных ситуаций приходили на ум сами собой.

Нет, когда он повелел год назад надстроить ее на тереме, цель преследовал сугубо практическую — при необходимости иметь возможность уединиться для секретных разговоров. Например, с теми же боярами Евпатием Коловратом, Хвошом и прочими при инструктаже перед поездками с посольской миссией к князьям-соседям, а то мало ли. Шпионаж в средневековой Руси вроде бы не водился, но чем черт не шутит. Да и откровенные беседы с «собратьями-пришельцами», как он в шутку называл Вячеслава, Миньку и отца Николая, попавших, как и он сам, из конца двадцатого века в Рязанское княжество начала тринадцатого, тоже хотелось сохранить в тайне. А где им еще поговорить наедине, без лишних ушей, как не здесь. Ни к чему любопытной челяди слышать, как их князь, общаясь, к примеру, со своим верховным воеводой или со своим духовным отцом, занимается предсказаниями будущего, а то наговорят о нем потом невесть что.

Во всех этих случаях светелка была самое то. Перед лестницей, ведущей наверх, дружинник, который никого не пропустит без княжеского дозволения, а если что-то срочное, то у него под рукой шнур, протянутый к светелке. Внизу дерг, а вверху колокольчик динь-динь. Ну и плюс двойные двери на входе, с прочными запорами — никто не услышит, никто ничего не узнает.

Но так Константин использовал ее лишь в первую пару недель, а на третью вызванный к князю боярин Коловрат слегка припозднился. Тогда-то Константин, пока ожидал его, впервые обратил внимание на чудесный вид, открывающийся перед ним, и настолько залюбовался раскинувшимися просторами, что и после разговора с Евпатием еще час или два задумчиво сидел у широкого окна, любясь тихой рекой, неспешно плывущими по небу облаками и закатным солнышком.

С той поры он и пристрастился. Особо долго засиживаться себе не позволял — часок-другой, да и то не каждый день, но, как бы ни был загружен делами, хотя бы раз в две

недели находил щепотку времени, чтобы заглянуть в светелку и остаться наедине с самим собой.

Как ни удивительно, но раньше, в далеком далеке, то бишь в шумном и говорливом двадцатом веке, у него не возникало столь настойчивого желания побыть в одиночестве, хотя городского шума и прочих прелестей цивилизации было куда больше, а тут...

Возможно, сказывался возраст... Это ведь человеку, в тело которого он попал, оказавшись в начале тринадцатого века, исполнилось всего двадцать восемь лет, а там учитель истории Константин Орешкин осенью отметил бы тридцать восьмую годовщину своего рождения. Годы, черт побери.

А может, причина в ином. Уединение уединению рознь. Одно дело — запереться в четырех стенах и мрачно глазеть из окна на тупые самодовольные пятиэтажки, выстроившиеся вокруг его дома в какую сторону ни глянь. Здесь же совсем иное — какая ширь, какие дали! И Константин улетал в своих думах за окоем далекого горизонта и еще дальше, вырвавшись за пределы княжества и обозревая всю матушку-Русь, которая пока еще, слава богу, не успела испытать всех ужасов татаро-монгольского нашествия. А там как знать, может, с помощью его, Константина, и его друзей и вовсе сумеет избежать их. Во всяком случае, ему самому в такие минуты верилось, что все задуманное получится и то громадьё планов, те гигантские задачи, которые он перед собой поставил, дабы спасти страну, непременно будут выполнены.

Верилось и в то, что он успеет, уложится в те жесткие сроки, которые ему продиктовала сама жизнь, благо что и отпущено ему и его друзьям не недели или месяцы, но годы. Даже до битвы на реке Калке, бездарно проигранной русскими князьями из-за отсутствия единства, оставалось целых пять лет. Если их потратить с умом, то можно добиться очень многого, сумев убедить всех встать заодно у той маленькой речушки в Таврической степи. И тогда воды ее окрасятся не алой славянской кровью, или, как ее тут на-

зывают, рудой, но черной кровью алчных степных разбойников, пришедших из далекой Центральной Азии. Конечно, на самом деле цвет крови у всех одинаков, но почему-то Константину всегда представлялось именно так — алая и черная.

Одно плохо. Пока что к его предупреждениям никто не хотел прислушаться. Одни принципиально не откликнулись на письма князя-братоубийцы, каковым его тут считали после событий под Исадами с подачи князя Глеба, другие от равнодушия — когда еще будет это нашествие, третьи не верили, что оно вообще произойдет, считая, что рязанский князь попросту стремится отвлечь всех от его прошлых черных дел.

И вновь выручала светелка, куда он уходил всякий раз, когда что-то не клеилось, не сходилось, не вытанцовывалось, шло вразрез с его планами. Маленькое помещение, всего-то четыре на четыре метра, с непривычно широкими для архитектуры этого времени окнами, и тут помогало, отгоняя прочь сомнения и вселяя уверенность, что трудности, какими бы они ни казались большими, непременно удастся одолеть.

Когда пожар спалил город, а вместе с ним и его терем, Константин, прибыв в Рязань, первым делом снял всех мастеров-умельцев со строительства нового княжеского жилища. Так и заявил рязанскому люду, лишившемуся крова: «Пока последний погорелец не войдет в свою заново отстроенную избу, мои хоромы обождут». Вот и осталось недостроенным даже основное здание, ибо деревянную кровлю башен и башенок наверху не успели покрыть железом и медью, да и окна с крыльцом тоже выглядели не ахти — ни расписных наличников, ни резных столбиков-балясин. Внутри то же самое — полы настелить успели, а вот печей еще не имелось. Да что там печей, когда и мебели было с гулькин нос. По кровати в опочивальнях Константина и Святослава, несколько широких лавок у стен в других помещениях, да еще кое-где столы — вот и все.

Словом, нечто вроде дачи какого-то богача из новых русских — само здание о-го-го, а той особой красоты, которую придало бы ей художество местных столешников¹, нет и в помине.

А уж прочие подсобные помещения, которые должны были прилегать к терему, из-за отсутствия времени и вовсе возводить не начали. Так и остались стоять черные обугленные сенницы, медуши, скотницы, бретяницы, а сразу за теремом жалкие останки повалуши².

Однако объявить-то он народу объявил, но не удержался и поправился: «Разве что мастера сызнова возведут вверх башенку, чтоб мне ворогов лучше видно было, дабы вдругорядь незамеченными не подошли».

Лукавил, конечно. Ну какие вороги?! Совсем не для того она предназначалась. Но Константин успокоил себя мыслью, что пара человек, которых он оставил, все равно погоды не сделают. Вот эти-то двое и довели до ума новую светелку. Получилась она чуть поменьше в диаметре, где-то три с половиной метра, зато кругленькая, ладненькая и с точно такими же широкими окнами, чтобы были видны просторы, чтобы мысли по-прежнему летели вдаль, за горизонт...

Но тут на лестнице послышались неторопливые шаги. Кажется, все, время полета истекло, пора возвращаться к приземленной реальности. Константин оглянулся на приоткрытые двери. Кто бы это мог быть? Колокольчик молчит, следовательно, это мог быть либо один из его «собратьев-пришельцев», либо княжич Святослав. Обо всех остальных из числа особо доверенных лиц, кто имел право пройти к князю, в случае если тот пребывает наверху в одиночестве — Зворыка, Хвощ, Коловрат и еще пяток человек, — дружинник был обязан извещать.

¹ Столешники — столяры. — *Здесь и далее примечания автора.*

² Повалуша — помещение, стоящее особняком от всех жилых хором и служившее летними покоями.

Константин прислушался. Воевода с изобретателем взлетали по ступенькам стремительно, через одну, спеша скорее решить очередное неотложное дело. Святослав когда как. Иной раз тоже бегом, но если вспоминал, что он княжич, то норовил шествовать неторопливо, добывая солидности, хотя шаг его все равно оставался по-мальчишески легким. Поступь у идущего сейчас была иная — степенная, увесистая. Значит, отец Николай...

Глава 1
ЧЕТВЕРТАЯ СОФИЯ,
или
КНЯЖЕСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Одни люди думают больше о путях веры,
Другие сомневаются в истинном пути.
Боюсь, что однажды раздастся возглас:
«О неведающие! Путь не тот и не этот».

Омар Хайям

— Не помешал? — раздалось с порога.

В дверном проеме показался священник.

— Ну что ты, отче, — улыбнулся Константин и кивнул на окно. — Погляди, как красиво.

Отец Николай неспешно подошел, пару минут молча постоял, вздохнул и охотно согласился:

— И впрямь благолепие. Правда, и грустно немного — уходит, покидает нас солнышко, хоть и ненадолго.

— А тут все зависит от настроения, — поправил Константин. — Если самому грустно, то думаешь о прощании, а если на душе светло, то на ум приходит напоминание о надежде, о том, что вслед за расставанием обязательно придет встреча, и придет так же неизбежно, как завтрашнее утро.

— Завтрашнее, — машинально повторил священник. — А мне как раз послезавтра поутру и расставаться с вами. Ох и неблизкий путь ожидает. Ладно бы Киев, а то ведь потом еще и в Никею плыть...

— Всего полгода, от силы год, — попытался успокоить Константин.

— Целый год, — поморщился отец Николай. — Я тут потолковать с тобой хотел, чтоб на последний день не откладывать, а то за этими хлопотами...

— Потолковать — это хорошо, — согласно кивнул Константин. — Правда, я рассчитывал на завтра, но можно и сегодня. Ну-ка, давай пройдемся вниз, а то тут стекла еще не вставили, сквозняк, да и с Оки несет, а сырость для твоих

рук нежелательна. Лучше мы в трапезной поговорим. Есть у меня к тебе небольшая просьба, точнее, поручение.

— И у меня просьба, — оживился отец Николай.

— Насчет гривен? — уточнил князь, заходя в трапезную и указывая священнику на лавку.

— Их ты мне выделил в избытке, — замахал руками отец Николай. — Я и не ожидал, что у тебя их так много. Опять же и рыбий зуб, и мягкая рухлядь, и воск, и бобровая струя... Мне корабленники сказывали, товару еще на столь же гривен, если его по уму продать. Потому и подумалось, если ты так щедро мне серебра и всего прочего отмерил, то, может, и на храм новый что-нибудь изыщешь, а?

— О господи. Опять ты за свое, отче, — устало вздохнул Константин. — Тебе я отвалил так много лишь из-за книг, которые попросил купить. Знаешь, сколько они ныне стоят? О-го-го. Опять же дорога дальняя, возможны всякие непредвиденные расходы, вот и отмерил их с избытком, как ты говоришь. На самом же деле туго у меня с ними. Ты даже не представляешь, как туго. Иной раз в казне не сотни, десяти гривен не насчитаешь. Вроде и доходы стали намного больше, но и расходы тоже возросли. Да что я тебе говорю, когда ты сам все прекрасно знаешь. Одни стены у Рязани сколько денег съедят, а они для города нужнее.

— Стены — дело необходимое, кто бы спорил, — примирительно согласился отец Николай. — Но равнять их с храмом нельзя. Разные это вещи. Стены для обороны нужны, для сохранения имущества и жизни людской, то есть, по сути, они, если образно говорить, для тела. Но надобно ведь еще и о вечном заботу проявить, о том, что в будущем простерто будет. Храмы и дух народа твоего в трудный час поддержат, а в иные особо тяжкие минуты и ввысь его поднимут.

— Ну хорошо, — сдался Константин. — Вот закончу со стенами, первым делом за храм примусь. Устраивает? — улыбнулся он, ожидая услышать подтверждение, и... разочаровался.

— И сызнова ты неправ, — возразил отец Николай. — Такие вещи крестьянину простому позволительно на потом

оставлять. Мол, ныне важнее засеять, затем сена накосить, после урожай собрать, ну а уж ближе к зиме можно и в храм сходить, богу¹ помолиться.

— А разве он неправ? Если он в горячую пору вместо пахоты молиться начнет, то к весне вместе с семьей зубы на полку положит.

— Вот же какой ты упрямец, — досадливо всплеснул руками священник. — Ну как тебе объяснить, что нельзя такие вещи друг дружке противопоставлять. Душа и тело у каждого человека едины суть, и надлежит заботиться о них обоих, пусть и не всегда в равной степени. Да и я тебя не прошу десятков монастырей отгрохать или сделать еще что-то, столь же неподъемное для казны твоей. Нет же. Всего-навсего один-единственный храм в стольной Рязани воздвигнуть умоляю.

— В сотню гривен уложусь? — деловито осведомился князь.

— На часовню ежели — вполне хватит, — обиженно поджал губы отец Николай. — Я же с тобой речь о храме веду — большом, красивом, могучем. Тут скупиться нельзя. Более скажу, хотя ты, может быть, сразу мне и не поверишь. Если ты его заложишь, то он тебе и в мирских делах немалую пользу окажет. Не знаю, поверишь ли, но, узрев, что их князь не об одной токмо суетневной пользе помыслы имеет, но и о благе духовном радеет, в самые тяжкие дни к высокому свои думы устремляет, народ совсем иначе на тебя глядеть станет.

— Да люди вроде бы и так ко мне хорошо относятся. Или ты что-то другое замечал? — насторожился Константин.

— Да, относятся к тебе хорошо, — подтвердил священник. — Но скорее так, как в большой семье к самому старшему. С уважением, с любовью, но как к земному. Такого тоже тяжело достичь. Иному за всю жизнь не удается, а ты всего за полтора года добился. Молодец. Но и останавлива-

¹ Здесь и далее, чтобы соблюсти равноправие и справедливость — ведь не пишем же мы Бог Сварог, Бог Перун, Богиня Мокошь и т. д.? — к словам бог, господь, всевышний, богородица, аллах и т. д. автор применил правила прежнего советского правописания.

ться на таком негоже. Во всяком случае, тебе-то уж точно никак нельзя.

— Я что же, особенный какой? — не понял Константин.

— Сам знаешь, — коротко ответил отец Николай. — И отличие твое даже не в том, что ты сюда из другого времени прибыл. В помыслах у тебя, если с другими князьями сравнивать, разница существенная. Уж больно цели твои велики. Шутка ли — всю Русь воедино собрать. А потому, как ратные победы доказывают силу и мощь твоих дружин, тако же и твой храм будущий высоту твоих помыслов всему народу выкажет. И не только выкажет, но и весь люд простой вдохновит следом за тобой к этому высокому устремиться.

— Ты хочешь, чтобы я был без штанов, но в шляпе, — с легкой раздражительностью констатировал князь. — А не выйдет так, что... — начал было он, но священник бесцеремонно перебил:

— Знаю, что скажешь, но паки и паки¹ повторюсь — коли мало денег, можно и не спешить строить. Никто же не требует, чтобы ты, плюнув на все, его в один год воздвиг. Ныне у тебя, как у смерда в деревне, — страда самая. Тут и впрямь основную дань пока что телесному отдавать надобно. Да и было бы гривен в достатке — все одно, в таком деле торопиться не след. Эвон, Успенский собор в Москве четыре года возводили, а над Благовещенским с Архангельским — по пяти лет трудились. Ты же хоть десять лет возводи — слова не скажу и тормозить не стану. Но я сейчас речь о самом начале веду, о том, чтоб ты это дело хотя бы затеял, а уж там... — И он махнул рукой. — Да пусть ты его не пять — пятнадцать, двадцать лет строить будешь, но начни, размахнись душой. О том и молить тебя пришел перед отъездом, чтоб душа у меня была спокойна в странствиях дальних. Кстати, если ты думаешь, что лишь я один о том пекусь, то тебе и Вячеслав Михалыч то же самое сказать может.

Константин знал, что это правда. Один из разговоров на эту тему состоялся как раз при воеводе и Миньке. Как ни странно, но голоса «за» и «против» разделились тогда в со-

¹ *Здесь: снова.*

отношении не три к одному, как предполагал князь, а поровну.

— Вообще-то наглядную агитацию в армии никто не отменял, — задумчиво произнес Вячеслав, встав на защиту священника.

— Так то же в армии, — буркнул Константин.

— А в народе она что, не нужна, по-твоему? — усмехнулся воевода. — Порою еще сильнее требуется. Решать, конечно, тебе, Костя, но я бы подумал еще раз. Может, и наковыряешь где-нибудь деньжонок.

Ныне ссылка на слова воеводы вкупе с желанием, чтобы отец Николай отправился в путь со спокойной душой, окончательно добила Константина, и он выкинул белый флаг:

— Ну хорошо. Быть по-твоему, отче. Этой осенью не обещаю, а вот весной одновременно со стенами обязуюсь начать рыть котлован и под фундамент будущего храма. Но с самим строительством годик-другой все равно погодим.

Священник издал недовольный вздох, собираясь заново приступить к уговорам, но Константин опередил его.

— Не о том ты подумал, отче, — мягко упрекнул он собеседника. — Не собираюсь я тянуть время. Тут иное. Ты же сам сказал, что будущий храм должен смотреться краше всех прочих, которые уже воздвигнуты в соседних княжествах, а это зависит не от размеров. Вон какие в двадцатом веке небоскребы — ну и что? Ими же никто не восхищается. Если только высотой, да и то поначалу, а через день привыкли, и все. Словом, надо мастеров первоклассных отыскать и, как мне кажется, попробовать сыграть на смешении стилей. Главными, конечно, наши строители будут, но им в помощь непременно нужно дать двух-трех болгар, да еще из Германии или из Италии кого-нибудь пригласить. Получится, что мы в будущий храм помимо православной еще и мусульманскую красоту вбухаем вместе с католической. Ну и ты тоже, будучи в Константинополе, погляди — авось кого и сыщешь. Заодно и Святой Софией полюбуешься, на размеры поглядишь, какие-нибудь особенности подметишь и себе на карандаш.

— Италия, Германия, болгары, Константинополь... Какая-то разношерстная компания соберется. И что у нас тогда за храм получится? — встревожился отец Николай.

— Боишься, что они к заячьим ушам лисий хвост и медвежью морду присобачат? — улыбнулся князь. — Зря. Главными на стройке будут наши мастера, а от остальных — я ведь сказал уже — возьмем самое лучшее, и такое, чтобы оно вписывалось в общую картину, а не маячило в ней, как бельмо в глазу.

— А с канонами церковного строительства эти новшества не войдут в противоречие? — озаботился священник.

— А мы, чтобы такого и впрямь не получилось, над всеми мастерами отдельное начальство поставим. Ему и доверим принимать окончательные решения — как, да что, да где, да какое новшество допустить.

— А если само начальство, оно... — начал было священник, продолжая терзаться сомнениями.

— Не оно, а ты, отче, — перебил его князь. — Ты же будешь главою епархии, тебе и карты в руки, точнее сказать, строительство.

— Да я в нем не больно-то силен, — замялся отец Николай.

— Потому я тебя и назначу не строить, а руководить. Разница существенная.

— Ну хорошо, — неуверенно согласился священник. — А посвятить храм кому мыслишь? — деловито осведомился он, пояснив: — Оно ведь сразу знать надобно, чтоб народу объявить прилюдно. Меня же весной еще не будет, вот и вопрошаю ныне.

— Это тоже тебе решать. Если бы не ты, то строительство я еще долго не начал бы. Но я так думаю, — Константин лукаво улыбнулся, — что честнее всего будет его посвятить твоему небесному покровителю, то есть Николаю-угоднику, который и на Руси весьма популярен. Как тебе?

— Святой сей и впрямь почитаем, — задумчиво отозвался отец Николай. — Однако если уж величие помыслов своих выказывать... Ты как о святой Софии мыслишь?

— Так есть же такие храмы, — искренне удивился Константин. — Ты не забыл, что уже в наше время их аж три штуки на Руси имеется: один в Киеве, другой — в Новгороде, а третий в Полоцке. У нас не первый, а четвертый по счету выйдет.

— Это все так, — кивнул священник. — И правда четвертый. А ты его так выстрой, чтоб народ глянул, ахнул и сказал: «По времени он четвертый, но по красоте и величию — первое первых будет».

— Эва куда ты замахнулся, — крикнул Константин и весело засмеялся, шутливо грозя собеседнику пальцем. — Думаешь, не вижу, куда ты гнешь, отче? Если я святой Софии храм посвящу, то мне уж волей-неволей, а сэкономить никак не удастся. Придется во всю ширь размахиваться, чтоб и размеры были — о-го-го, и все остальное им под стать. А уж коль держать в памяти ту Софию, которая в Константинополе, то...

— Да уж, — согласился отец Николай. — Тогда ни сотней гривен, ни тысячей не откупишься. Да и одним десятком тысяч, пожалуй, тоже. Оно и хорошо. Тогда он у тебя на часовенку убогую, кою ты хотел по первости поставить, точно походить не станет. Стало быть, можешь мне спасибо сказать.

— А спасибо за что? — удивился Константин.

— От позора уберег, — пояснил священник. — Часовенки-то ныне на Руси бояре строят да купцы побогаче. А я указал, какое строительство князю к лицу — храм величавый. Это если простой правитель и без помыслов величественных. Такому же, как ты, надлежит неслыханную красоту воздвигать, иначе и затеваться смысла нет.

— Ну и хитер ты, отче, — восхитился Константин.

— Прост я, — возразил священник. — Сам видишь, за пазухой ничего не таю. И не столь я тебя убедил, сколь ты сам уразумел мою правоту.

— А факты подобрать с доводами, слова нужные отыскать? Это же уметь надо, — не согласился князь.

— И тут вся хитрость лишь в том, что слова эти от сердца должны идти. Ежели изрекающий сам в них верит, то и слу-

шающий рано или поздно ими проникнется, — спокойно пояснил отец Николай. — Опять же и того не забывай, что у меня за плечами опыт проповедей. Если их все сосчитать — непременно за тысячу перевалит, а то и не за одну. А что такое проповедь? Речь, предназначенная для того, чтобы убедить слушателей в истинности чего-либо, да не одного человека, а десятки, если не сотни. Труд не из легких, ты уж поверь. Ныне же гораздо проще — и убеждать всего одного понадобилось, и сам он умом не обделен. — И священник вопрошающе уставился на князя.

— Знаю, чего ждешь, — хмыкнул Константин. — Слово тебе даю: скуписья не стану. Вплоть до того, что, если казна пустая будет, в долги к купчишкам влезу, но отгрохаю все в лучшем виде и именно так, как ты скажешь. Жалко, конечно, гривенок, что уж тут говорить, да и к церкви я равнодушен. По-моему, человеку для общения с богом посредники не нужны. Но тут дело скорее не церковное, а политическое, значит, и впрямь глупо над серебром трястись. Ну, доволен? — спросил он с улыбкой.

— Вполне, — сдержанно склонил голову отец Николай, стараясь не выказывать откровенной радости, что сумел он наконец-то дожать, додавить неуступчивого упрямца. — Разве что про посредников ты не совсем верно сказал. Когда человек умен или вовсе мудр — одно. Тут, может, наша помощь ему и не нужна. Да ведь мы же и не навязываемся. А крестьянину простому, ремесленнику, купцу, да и многим князьям сподручнее все-таки в церкви молитву вознести.

— Насчет того, что не навязываемся, — вопрос спорный, — начал было Константин, но передумал. — Ладно. Это дискуссия долгая, а у меня самого к тебе дельце имеется. Долг-то платежом красен, отец Николай. Я тебе слово свое дал, что храм начну строить и мелочиться не стану, теперь пришла пора и меня выслушать. Знаешь ли ты, что не только на поставление в сан в путь-дорожку собрался, но одновременно еще и посольство мое возглавишь?

— То есть как? — опешил священник и энергично запротестовал: — Э нет. Так мы не договаривались. Или ты киевского митрополита имеешь в виду?

— Да нет, бери выше. Ты, отче, мой чрезвычайный и полномочный посол к патриарху Константинопольскому, а также к императору Феодору Ласкарису. К нему даже в первую очередь. Пусть он сам своего патриарха убалтывает, так-то оно понадежнее будет.

— Да ты в своем уме, Костя?!

— Не помешал? — осторожно спросил появившийся в дверях Вячеслав.

— Заходи, Слава. Ты как раз вовремя. А то тут отец Николай вздумал отказываться от посольства.

— Правильно делает, что отказывается, — неожиданно для Константина поддержал священника воевода, подходя к столу и с тоской оглядывая его скудное убранство. — Кто же под квас с хлебом человека уговаривает? Между прочим, посол — это новая должность, и ее непременно надо обмыть. Ты, отче, держись до конца и не соглашайся, пока наш князь не проставится.

Константин хмыкнул и неспешно направился к высокому шкафу.

— И при чем тут твоя документация? — осведомился Вячеслав.

— У меня тут помимо ящичков с бумагами еще и полочки имеются, — пояснил князь, так же неторопливо выбирая что-то.

К столу он вернулся со здоровой бутылкой, наполненной под горлышко.

— Совсем другое дело, — оживленно потер руки Вячеслав, усаживаясь и по-хозяйски пододвигая к себе блюдо с румяными яблоками. — Сейчас остограммимся, и ты, отец Николай, дашь свое добро. Но не продешеви. Если медовуха придется не по душе, требуй налить из другой бутылки. Хотя, честно говоря, я бы на твоём месте согласился без раздумий. Это же загранкомандировка сроком на год, не меньше, да еще с прекрасными суточными и обслуживающим персоналом.

— Вот сам и езжай, — огрызнулся священник. — Лик у тебя благообразен, нахальства хоть отбавляй. Тебя-то точно и император примет, и патриарх. А не примут, так ты сам к

ним пролезешь. Да и чин у тебя подходящий — верховный воевода всего княжеского войска. А я-то кто такой, чтобы сам император беседовать со мной согласился? Какой-то русский священнослужитель, приехавший на поставление в сан простого епископа. Да меня до него и не допустят. Знаешь, княже, какой у императоров сложный церемониал?

— Знаю. Но он был, когда они в самом Константинополе сидели и свысока на всех поглядывали. А едва они в Никею переехали, спеси у них поубавилось, и слушать он тебя обязательно станет, а едва ты заикнешься, что разговор касается возврата ему Константинополя...

— Возврата?! Константинополя?!

— Или Царьграда, как его сейчас на Руси называют, — невозмутимо уточнил Константин. — А ты чего так удивился-то, отче? Не в следующем году, разумеется, а через два-три, не раньше. Нашему Славе тоже надо время, чтобы как следует к его взятию подготовиться.

— Да-а, Константинополь — дело не шуточное, — протянул воевода. — Его без пары стаканов... — И, не договорив, сноровисто разлил содержимое бутылки. Подняв кубок, он торжественно произнес: — Ну, за взятие.

Священник мрачно посмотрел на воеводу, прикоснулся губами к самому краешку своего кубка и с тяжким вздохом отодвинул его в сторону. Ну как им объяснить, что политика — такое тонкое, а главное, грязное дело, что он всегда, сколько себя помнит, шарахался от нее, как... Нет, «как черт от ладана» вроде неправильно — священнослужитель все-таки. Словом, чурался и избегал всячески. Ну не его это дело. Если бы только что, буквально пару-тройку минут назад, князь не согласился начать строительство храма, пообещав отдать на него все свои деньги и даже занять, коли не хватит имеющихся, ему было бы легче. Тогда бы он попросту решительно отказался, и все. Да и сам Константин о чем думает? Неужто не понимает, что по причине своей неопытности и простоты отец Николай загубит все дело на корню?

— А почему я? — как-то по-детски наивно спросил он.

— А кто, отче, если не ты? — невнятно промычал Вячеслав.

Говорить нормально он не мог, мешала закуска во рту. Константин спокойно разъяснил:

— Говорю же, что тебе придется обращаться не только к императору, но и к патриарху, который сидит в Никее. А кому сподручнее это сделать, как не тебе, православному священнослужителю? Да ты не тушуйся, — ободрил он приунывшего священника. — Хитрить, ловчить и жульничать тебя никто не заставляет. Действуй по-простому, в лоб. Мы им Царьград, а они нам греческий огонь и... митру патриарха.

— Зачем? — опешил отец Николай.

— Э-э, дорогой! Скоро к нам из степей горячие гости приедут, горячий прием им нужно организовать, чтоб надолго запомнили, — зачастил Вячеслав. — Мед пить будем, шашлык кушать будем. А как шашлык без огня пожарить? Никак.

— И свой тут не годится — импортный нужен, — подхватил Константин. — А что касается митры патриарха, так тут вообще все ясно. Хочу, чтобы церковь на Руси была полностью независима от ромеев¹. И наденут они эту шапку на того, кого мы им сами укажем, ибо нам грек без надобности. Своего, русского поставим.

— И никакой дипломатии, — усмехнулся Вячеслав. — А если начнут юлить и выкручиваться, скажешь, что торг здесь неуместен. Либо да, либо нет — все остальное от лукавого. Я правильно процитировал? — осведомился он.

— Правильно, — уныло вздохнул отец Николай, пытаясь заставить себя примириться с мыслью о том, что вести посольство придется и никуда ему от него не деться.

— Вот и славно, что ты все понял, — обрадовался Константин. — А для надежности, чтоб ваше с Феодором свидание железно состоялось и чтобы он к тебе прислушался, действуй через его зятя.

— А не через сына? — уточнил священник.

¹ В то время практически во всем мире жителей Византии называли ромеями.

— Нет, через зятя. Сыновей у него нет — одни дочери. Муж старшей из них — Иоанн Дука Ватацис. Кстати, именно он через пару лет¹ и станет императором после смерти Феодора.

— И как ты все это помнишь? — изумился в очередной раз Вячеслав. — И даты, и имена, и фамилии, и даже характеры. Вот я бы нипочем.

— Ты же всех своих солдат в батальоне помнил? — усмехнулся Константин.

— Ну еще бы. Вот, помнится, был у меня такой славный парнишка. Русский, из Пензы. Серегой звали. А фамилия чудная — Идт. Так я его Итд прозвал. А еще...

— Вот и я тоже своих королей, императоров и князей помню, — перебил его князь. — Они для меня те же солдаты. Солдаты истории. Так же воюют, убивают, побеждают или проигрывают. Всего понемногу.

— Сравнил, — протянул воевода. — У меня живые люди были, а у тебя...

— Понимаешь, Слава, во все времена историю делают личности. Именно от них не меньше чем на две трети зависит, куда и как повернется судьба того или иного государства. А иной раз, как, например, в случае с Литвой, и чуть ли не на девяносто процентов². Так как же мне не знать движителей истории. Да и не все я помню, — сознался он, просто-душно улыбаясь. — Например, имени дочери этого Ласкари-са, которая замужем за будущим императором, я тебе, хоть убей, не скажу. Так что на твердую пятерку мои знания по истории никак не тянут.

— А может, потом как-нибудь? Ну после Калки, — предложил отец Николай.

¹ Константина немного подвела память. Иоанн Дука Ватацис взойдет на престол только через четыре года — в 1222 г. Править в Никее он будет до 1255 г.

² Константин подразумевает, что Литва начинала строить свою государственность в крайне неблагоприятных условиях, имея бедное население, скудные ресурсы и сильных соседей. Только благодаря своим талантливым лидерам — Миндовгу, правившему с конца 30-х гг. до 1263 г., Гедемину (1316—1341) и его сыновьям-соправителям Ольгерду (1345—1377) и Кейстуту (1345—1382) — эта народность сумела расшириться от моря до моря и поставить в 1386 г. польским королем своего князя — сына Ольгерда Ягелло (1350—1434).

— А гостей чем мне встречать? — напомнил Вячеслав. — Как я тогда шашлык-машлык из степняков буду готовить? На чем мне их жарить прикажешь, отче? — И он с укоризной уставился на священника.

— Да ты не переживай, — успокоил отца Николая Константин. — Насколько я помню по разным хроникам, Иоанн правил очень долго, больше тридцати лет, и все время спал и видел себя в Константинополе. Такая вот идея фикс у него была. Так что за наше предложение он руками и ногами ухватится. Да ему и делать-то ничего не надо. Сказать «да», подождать нашего гонца из уже захваченного Царьграда и въехать в город, склонив голову перед очередным русским щитом, который Вячеслав лично присобачит к их воротам. Для памяти.

— Обязательно, — заверил воевода. — Сотню гвоздей не пожалею для такого дела. Чтоб если оторвать попытаются, так он вместе с воротами отвалился. — И он восхитился: — Вот здорово получится — на одних воротах щит князя Олега, а на других мой, личный. Эх, жаль, что в мире пока еще сварка неизвестна. Я б его вообще намертво приварил.

— Известна, только не у нас, а в Волжской Булгарии. Но я специально для тебя найду умельца.

— Ты, Костя, заканчивай шутить, а лучше скажи, что будешь делать, если они обманут? Пообещают, а потом слова своего не сдержат, — сердито спросил священник, хмуро глядя на князя.

Было с чего сердиться. Ну прямо как дети, честное слово. Тут о таких важных вещах речь идет, а Вячеславу хоть бы хны. Что Царьград взять, что к теще на блины съездить — все едино. Да и второй недалеко от него ушел, даром что князь.

— Не обманут, — усмехнулся Константин. — Первым туда должен въехать император в сопровождении двух патриархов — Константинопольского и всея Руси, а у последнего в кармане должна лежать инструкция по изготовлению греческого огня. При невыполнении одного из этих условий передача города в руки Иоанна не состоится — Царьград и нам самим сгодится.

— Ты так говоришь, словно на все сто процентов уверен, что мы непременно возьмем город, — упрекнул князя отец Николай.

Вячеслав от такого сомнения в его способностях возмущенно крякнул.

— Вот, отче, даже вино из-за тебя разлил. Как ты меня унизил, как унизил, — запричитал он. — А я-то тебя всегда считал своим лучшим другом.

— Я в Славе и его людях уверен даже не на сто, а на сто один процент, — твердо отверг все сомнения отца Николай Константин.

— Я бы прослезился, но носовой платок позабыл, — притворно всхлипнул воевода, однако было заметно, что он и в самом деле польщен, едва сдерживая довольную ухмылку.

— Разумеется, возьмет он его не сразу, а после соответствующей подготовки, — пояснил Константин.

— Само собой. Все-таки городишко чуток побольше, чем Переяславль Рязанский, будет. Для этого с тобой, отче, и поедут в свите двое моих хлопцев, которых я худо-бедно, но научил и чертить, и рисовать. Пока ты будешь наслаждаться красотами Константинополя, они полюбуются его укреплениями и прочим.

— Шпионы, — с осуждением и легкой долей отвращения произнес отец Николай.

— Разведчики, — поправил Вячеслав. — Они же наши, поэтому храбрые и отважные русские разведчики. А вот, к примеру, если мы с князем каких-нибудь монгольских соглядатаев на Руси вычислим, то повесим их именно как грязных и мерзких американ... ой, то есть монгольских шпионов. Но ты не волнуйся. Неужели ты думаешь, что мы поставим твою священную посольскую миссию под риск провала? Они сами по себе бродить станут, — успокоил он священника. — И если парни попадутся, все равно будут молчать. Во всяком случае, до вашего отплытия они продержатся.

— Но это же огромный город с десятками тысяч воинов. Ну ладно, воевода. — Отец Николай небрежно махнул рукой в сторону Вячеслава. — Он о его размерах не имеет ни

малейшего представления, но ты-то, княже, понимаешь, сколько людей поляжет при его штурме?!

— Он что, намного больше Грозного? — как-то недобро прищурился воевода, и в глазах его зажглись злые огоньки.

— Не в том дело.

— А у них что, есть лимонки, «калашниковы», фугасы и прочее? — не унимался Вячеслав, а огоньки продолжали постепенно разгораться.

— Я не хотел тебя обидеть, Вячеслав Михалыч, — примирительно обратился к нему отец Николай. — Мне просто людей жалко, которых ты потеряешь. Наши же, русичи.

— Потери, конечно, будут, — уже более спокойным тоном произнес воевода. — Но намного меньше, чем ты думаешь, отче.

— Да пускай даже всего несколько тысяч, и то скверно.

— Эк ты куда загнул, — крикнул Вячеслав. — Сотня, от силы две — не больше. Это потолок, да и то лишь в случае, если в дело вмешаются какие-нибудь роковые случайности, а так я рассчитываю на несколько десятков. И я не самоуверен, — заверил он, заметив скептическое выражение на лице священника. — За свои слова головой отвечаю.

— А чтоб тебе охотнее поверилось в обещания нашего славного Славы и ты не думал, что идут они от его самоуверенности, вот тебе подлинный исторический факт: когда крестоносцы штурмовали Константинополь, то у них погиб всего один рыцарь, — добавил Константин. — Тебе это ни о чем не говорит? А ведь у них не было ни одного спецназовца, обученного работать в темноте, соблюдая скрытность и неожиданность. Пойми, отче, что жители твоего Царьграда не просто откажутся помогать крестоносцам. После всего того, что латиняне сотворили с самим городом, а заодно и с православными святынями, граждане Константинополя, включая самого распоследнего нищего и бродягу, будут целиком на нашей стороне, потому что те для них — дикие завоеватели, а мы соответственно — герои-освободители.

— Не думаю, что их помощь окажется сколько-нибудь существенной, — усомнился священник.

— Я тоже на нее не очень-то полагаюсь, — равнодушно согласился воевода, разливая медовуху по чаркам. — Да мне лишь бы они под ногами не пугались, и на том спасибо. Хотя для отвлечения внимания обороняющихся они вполне сгодятся.

— Плюс к этому еще и царящий там бардак, — продолжил Константин.

— Бардак — это хорошо, — оживился Вячеслав. — Это нам здорово поможет. И чтоб у руля какая-нибудь дубина стояла, вроде Паши Мерседеса. С этим у них как?

— В следующем году изберут некоего оксерского графа Роберта де Куртнэ, одного из прямых потомков короля Франции Людовика VI Толстого. Насчет его умственных способностей что-либо сказать затрудняюсь — не помню, да оно, собственно говоря, и не столь важно, поскольку власть у него, как я уже говорил, чисто номинальная, и вдобавок полное отсутствие авторитета среди рыцарства.

— Так уж и полное? — усомнился Вячеслав.

— В качестве доказательства приведу только один пример из совсем недалекого будущего. Этот император влюбится в девушку, которая к тому времени уже будет помолвлена с одним из французских или немецких рыцарей. Роберт уговорит мамашу девушки, чтобы она отказала рыцарю-жениху. Та — все-таки сам император просит руки — даст свое согласие. Тогда отвергнутый ухажер соберет свою родню с дружками, вломится ночью во дворец, отрежет несчастной девушке нос и губы, а ее мамашу вообще выкинет в Босфор. Вот такие изысканные нравы и куртуазная вежливость там сейчас царят.

— А император? — спросил отец Николай. — Точно так же с этим рыцарем поступит или...

— Никак он с ним не поступит, — презрительно скривил губы Константин. — Он так и не сможет добиться от своих баронов суда над этим рыцарем. Представляете?

— Блеск! — восхитился Вячеслав и одобрительно кивнул. — Я в восторге. Годится нам этот фраерок. Так, в целом все понятно, а теперь, — и он сладко потянулся, — учитывая, что время позднее, а я притомился за день, пока своих орлов гонял, пойду-ка на боковую. Тем более что уже все выпито.

Одно поясни мне напоследок, княже. А почему сами никейские императоры не попытаются взять Константинополь?

— А войско? С таким количеством воинов, как у них, город приступом не взять. Латиняне хоть и грызутся, как собаки, но пока еще достаточно сильны, чтобы отбиться. А твоего спецназа для удачного штурма у Ласкариса нет.

— Вот еще — штурмовать! — фыркнул воевода. — Ничего подобного! Просто одной тихой безлунной ночью мои ребята спокойно вскарабкаются на стены, вырежут часовых, дойдут до ворот, откроют их, ну а дальше — дело техники, — уверенно заявил он.

На том разговор и закончился.

Позже Константин не раз вспоминал тот вечер. Подчас ему казалось, что он чего-то недоговорил, а может, и наоборот — сказал, а точнее, возложил на плечи отца Николая лишку. Дипломатия и впрямь слишком серьезная штука, чтобы с нею мог справиться любой человек, и тут одних благих намерений недостаточно. Но всякий раз он досадливо отмахивался, уверяя себя, что в любом случае — согласятся императоры на его предложение или откажутся — лично отцу Николаю ничто не грозит и нечего зря тревожиться.

А потом ему стало не до того — появились дела куда важнее.

Глава 2 ТРОЙНОЙ ОХВАТ

Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно, и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды,
С тех пор как жив, не забывал...

Александр Пушкин

— Дура! Дура ты и есть! — выскочил из сеней на высокое крыльцо своего терема взбешенный князь Ярослав и опрометью бросился вниз. Двое стремненных уже держали под уздцы оседланного жеребца.

Вздевая в стремя ногу, Ярослав мрачно покосился наверх, в сторону терема, чуть замешкался.

— Хоть бы для приличия вышла, — буркнул он зло, уже садясь в седло, еще немного помедлил, но, так и не дождавшись появления княгини Ростиславы, в сердцах с маху хлестнул коня.

За воротами терема переяславского князя ждала дружина. Была она невелика, да и сами вои в ней были уже не те, с прежними не сравнить. Но где они, прежние? Добрая треть их осталась лежать еще близ Липицы, в сече с полками старшего брата Константина и тестя Ярослава — Мстислава Удатного. Но тот урон был еще восполним, а вот в битве под Коломной с рязанским Константином дружина, почитай, полегла полностью. Тех, кто тогда ушел вместе со своим князем от погони, оказалось меньше двух десятков.

Ярослав окинул мрачным взглядом своих новоявленных воинов. «Мечом не рубят — машут, да и копьём с луком тоже владеют не больно-то, а впрочем, что уж там говорить про мечи и прочее, когда иной после лихой скачки за лесным зверем к вечеру вовсе враскорячку к костру бредет. — Он с тоской вздохнул. — Так бы и врезал окаянному неумехе, чтоб вдругорядь грамотно сидел в седле».

Оно, конечно, погонял князь их изрядно, кое-чему и научил, ан все не то. И опять-таки самое главное — неопытные они пока. Почитай, редко у кого из новиков¹ была хоть одна боевая сшибка. А что за воин, не видевший, как льется из жил ворога алая руда, да и сам ни разу ее не проливший? Тьфу, да и только!

Хорошо, что расторопный Творимир, стремясь искупить собственную трусость за сдачу без боя обоза, привез из Чернигова, Новгород-Северского, Киева и прочих русских земель, лежащих к западу, несколько сотен иных, поопытнее, из бывалых.

Ярослав, увидев их, совсем уж было смягчился, снял с него опалу и даже пригласил на свой малый совет, но оказалось, что Творимир не угомонился и трусость как была с

¹ Н о в и к — здесь: необстрелянный, неопытный, новичок.

ним, так и осталась. До сих пор у князя в ушах звучали мрачные предостережения боярина о том, что не следует ныне учинять распри с Рязанью — уж больно она осильнела. И это в благодарность за прощение?! Не зря его Ярослав сызнова изгнал из Переяславля-Залесского. Пусть посидит в своих деревеньках да поучится вежеству, авось ума и поприбавится.

И словно мало ему одного Творимира, так тут еще и эта... Князь зло оглянулся на свой терем, прищурился, вглядываясь, что за женская фигурка появилась на высоком крыльце, и лицо его исказила кривая ухмылка: «Вышла все ж таки. Поняла, поди, неправоту свою, ан поздно уже».

Определенная неловкость все равно ощущалась. Уж больно плохое расставание получилось у него с женой. Но с другой стороны взять — чья здесь вина? Явно ведь — не его. Он-то как раз хотел проститься по-доброму. Подумаешь, слово неосторожное сказал. Так и то не про нее, а про девку-холопку неловкую, что охромела с прошлой зимы. Ну куда ей у княгини переяславской в услужении быть, когда нога вовсе, почитай, не сгибается. Он же не со зла предложил со двора ее выгнать, а взамен пяток рязанских девок привезти — о Ростиславе заботу проявил. А что получил в ответ?

Ярослав припомнил недавний разговор и зябко поежился.

— А ежели бы твоя любимая сука Крыня охромела, ты бы ее тоже со двора... пинками? — спросила княгиня в ответ звенящим шепотом.

В глазах же ее вся синева вдруг напрочь исчезла, один черный уголь в зрачках остался.

Дура, она и есть дура. Невдомек бабе, что таких смышленных да резвых сук, как его Крыня, днем с огнем не найти, а холопок, ничем не хуже хромой Вейки, на торжище в базарный день пук за куну. Оно конечно, жаль девку, но ведь не сам же он ей ногу эту сломал — дерево упало. Теперь уж ничего не исправишь.

Опять-таки и первая размолвка после возвращения Ростиславы из Новгорода тоже из-за Вейки окаянной прои-

зошла. Ну виданное ли дело — столь долгое время не виделись, а она, едва приехав, как уселась у ее изголовья, так, почитай, пять дней и просидела. Да и две первые ночи там же проторчала. Хороша женка, нечего сказать.

Нет-нет, Ярослав и не собирался заходить к ней в опочивальню, ибо, едва узнав, что Мстислав Удатный возвращает ему свою дочь, решил слегка протомить Ростиславу и пусть втрое меньший срок, чем был с нею в разлуке, но не приходиться к ней в ложницу. Пусть ведает, что не больно-то он в ней нуждался. Однако это он, муж и князь, а жена-княгиня должна пребывать в ожидании — вдруг все-таки заглянет. Должна... А она вместо ожидания с Вейкой возню учинила.

Да и потом тоже — хоть не вспоминай. Он смердов в поруб сажает — ведь утаивают дань княжью, стервецы, ссылаясь на недород в полях, а она им туда еду таскает. Через неделю распорядился вытащить их из ямы, думал, поумнели на хлебных корках да воде, а глянул — рожи-то у страдальцев еще глаже стали. С голоду опухли? Непохоже, да и на ногах твердо стоят. Начал дознаваться, кто им подсоблял, стражу поначалу виноватил, а это, оказывается, женка родная свое милосердие явила. Кто, спрашивается, ее о том просил?!

Нет, в том, что касается дома и прочих хозяйственных дел, ее попрекнуть не в чем. Да и распоряжается она челядью умеючи — знает, на кого прикрикнуть, кому указать, кого поправить, а кого и вовсе взашей прогнать. Тут она молодец. Но ведь если бы все двором и кончалось, а то ведь и в его дела нос сует. И ведь чуть ли не с самой свадьбы у нее такое. Больно много воли батюшка ей в девичестве дал, не иначе. И тоже всегда с вопросами — дескать, поясни, а то невдомек. Начинаешь же втолковывать глупой бабе и после пятого-шестого ответа чувствуешь себя дурнем, соломой набитым.

Конечно, эти разговоры она с ним ведет наедине и княжеского сраму никто не видит, но перед самим собой, один черт, неловко. Да князь он, в конце-то концов, или смерд неумытый, что она его так в собственную дурость носом тычет?! И никак не поймет, глупая баба, что все равно будет

именно так, как сам Ярослав повелел. Плохо ли, хорошо ли, но по его слову, а не по ее. Неужто она считает, что он станет перед нею в своих ошибках сознаваться?!

Да и с походом этим осенним против Константина Рязанского тоже все уши прожужжала. Да ведь не впрямую каждый раз норовила, а с коварным подходцем. Право слово, как гадюка подколотная, все из-за угла, по-подлому.

Он в седле уже и сам сколь лет — опыта не занимать, разве не знает, что неладные у него вои. Почто лишний раз о том напоминать? Ныне вся надежда на дружину брата Юрия да на тех, кто у покойного Константина служил. Хоть и не любил Ярослав старшего брата, но должное ему отдавал — славных удальцов в свою дружину тот подобрал. Славных и преданных.

Последнее, правда, чересчур. Можно было бы и уполовинить преданность эту. Ведь от князя к князю переходить — обычное дело на Руси, и никто тебе этого в упрек никогда не поставит. Да и помер старший брат, то есть не бросили его дружинники, не оставили на поле брани, а служили до самой смерти. Самое время нового князя выбрать, ему послужить. И ходить далеко не надо. Вон хоть бы к брату Юрию пришли или к самому Ярославу, который своих ратных людишек николи не забижал, держал в чести, в неге да холе.

Нет, не понять Ярославу, никак не понять, почему они, чуть ли не все — четыре сотни из пяти, — вместо того чтоб переехать во Владимир, вышли из Ростова и осели в слободке близ города.

Сами они свое решение пояснили Юрию так:

— Мы, княже, боле в межусобьях ваших участия принимать не желаем.

Это Александр Попович так объявил от имени всех тех, кто в слободку ушел. Ишь как осмелел, а ведь и пяти лет не прошло, как он покинул своего отца — дьячка в захудалом селище под Суздалем — и пошел по белу свету счастья искать. Его Ярослав еще по Липице хорошо запомнил. Ежели бы не он, не Добрыня — рязанец могучий, не Нефедий Дикун да прочие ростовские удальцы, нипочем не одолели бы

его с Юрием воинство новгородские и смоленские полки. К бешеному напору, к страсти, к боевому азарту еще и умение воинское приложить надобно. Без него никуда. А азарт что — первый бесшабашный натиск сдержки, и все, кончился он. У этих же всего в избытке. Они и прорвали строй суздальцев, владимирцев и муромчан. Как нож в масло вошли, после чего... Да что вспоминать.

Брат Юрий поначалу подумал, что бояться они, опасаясь мести с его стороны. Всего два с половиной года назад против него воевали, ныне припомнить может. Стал им говорить, что не держит на них зла, что будет им от него одно добро, да какое там! Лишь посмеялись упрямы, ответив, что ежели кто из ворогов на Русь придет, так они и без зова ратиться встанут, а коли занадобится, то и головы сложат, и никаких гривен за оное не попросят. А вот так, в княжьих сварах да распрях пустопорожних, они никому не помощники.

Это где же они так смело говорить выучились?! Сразу видеть, что никто из них у Ярослава не служил, иначе такими бойкими на язык не были бы. Впрочем, всем известно, что Константин, брат старший, тряпкой был. Один лишь раз он за всю свою жизнь и взбрыкнул, когда из рук умирающего батюшки Всеволода Юрьича Владимир без Ростова принимать отказался, за что и был лишен старшинства.

А уж второй раз, через четыре года, когда супротив Юрия ополчился, не его это песня была — с чужого голоса он ее подхватил. Да и позже... Одна Рязань чего стоит. Будь тогда под Коломной все их дружины, кто бы сумел их одолеть? А после гибели братьев? Ведь родная кровь. Сам господь таковскую месть бы одобрил. Если б по-горячему, пока сердце не остыло, ударили бы, не миновать рязанцу поражения. И полки уже собрали, и дружины коней оседлали, а он что учинил? Велел всех распустить. Весна, видишь ли, на носу. А до настоящей слякоти еще месяц оставался, даже больше.

Нет, не зря Ярослав скляницу его с чудо-зельем обронил. Вроде как ненароком получилось, хотя чего уж тут — понял Константин, вмиг догадался, что не случайно брат столь не-

ловко рукой махнул. Вспомнив тот день, князь Переяславля-Залесского нахмурился и до боли в пальцах стиснул рукоять меча. Второй раз в жизни тогда ему стыдно стало, потому и уехал он на следующий день к себе, хотя Константин уговаривал остаться, сказав, что теперь уж Ярославу все одно — вскорости назад придется возвратиться, на похороны. От таких слов еще поганее на душе стало — укатил в тот же день.

Одно непонятно — как Ростислава догадалась, что ее муж ускорил смерть своего брата. Вроде бы ничего ей не рассказывал, ан все едино, почуяла. И опять глупость смолозила, вслух про это говорить принялась. И без того на сердце кошки скребут, а тут еще она со своими намеками. Допытываться принялась, какую смерть Ярослав последнему из братьев уготовил. Вот дурища-то! А того ей не понять, что Константин все одно — не жилец был. Да и не жил он вовсе — мучился, потому, если уж разбираться, он, Ярослав, истинную доброту проявил, человека от лишних мук избавил. Ему б самому кто так подсобил в случае чего — спасибо бы сказал.

Нет, доказывать он Ростиславе ничего не стал — еще чего! Хотя было что сказать и кого в пример привести. Вон у рыцарей-франков, как он от купцов слышал, для такого даже особый нож заведен. У него и название соответствующее — мизекорд, что означает «кинжал милосердия». С его помощью они своим безнадежно раненым соратникам из жизни помогают уйти. А тут — понимать надо — брат родной. Так как ему не помочь?!

И не случайно, ох не случайно он, Ярослав, про тот кинжал всего за неделю до того дня услышал. Не иначе как устами купца сам господь ему подсказку дал. Самоубийство-то грех великий, а в такой помощи греха нет — благо.

Опять же и в церкви попы о том же говорят, разве что иными словами. Мол, мы здесь на земле временно, а на небесах нас вечная жизнь ожидает, о ней думать надобно. Вот Ярослав и помог засидевшемуся в гостях, и совесть его чиста. Не с пира веселого братца выпроводил — от мух тяжких избавил.

Что же до Юрия, то ему не мизекорд нужен — жбан пивной с утра, ибо здоров братец и, кроме похмелья, иных болезней покамест не ведает. Жаль только, что он в ратном деле не силен, да и твердости в нем тоже не видать. Еле-еле уговорил его Ярослав выступить, не дожидаясь сороковин.

И мало того что не все ладно с их дружинами, что Твори-мир языком своим поганым мелет, так еще и Ростислава назойливой мухой жужжит. Сомнения у нее, видишь ли, в том, что Константин Рязанский братьев своих поубивал. Да разве в этом сейчас дело? А того ей не понять, что он на всю Владимирскую Русь замахнулся, что три кровных брата Ярослава под Коломной полегли, да и четвертый слег именно от этой страшной вести. И если по уму разбираться, то не Ярослав — главный виновник смерти старшего брата. Он лишь мизекорд в божьих руках, а вот рязанец — подлинный убийца.

А теперь пусть сочтет, сколько племянников Ярославовых без отцов оставил. И такое прощать?! Вот бы ей о чем подумать, а лучше и вовсе в дела мужа не соваться. Пускай о хозяйстве мыслит, пряжу с девками прядет, рубахи вышивает. Ан нет, лезет повсюду. Вон и Ингваря Рязанского решила ума-разума лишить. Не зря он две последние седмицы как в воду опущенный ходит. Тоже ее работа.

Намедни вишь чего удумал — проямлил, что, мол, зря они все это затеяли. Негоже ему на свою землю приходиться с чужой ратью, пожар да разорение с собой нести. А того в ум не возьмет, что поздно уже, что слы¹ давным-давно воротились от верных союзников с обнадеживающими ответами.

Хан Котян, у которого чуть ли не самая сильная орда под рукой, твердо подсобить обещался, а вместе с ним и бывший тесть Ярославов, Юрий Кончакович, тоже посулился на рязанские грады набег учинить. Да и Давид Муромский, хоть и мялся в нерешительности, черт набожный, а как бояре Ярослава и Юрия поднажали — вмиг согласился. Вовремя ему про Кадом да про Ижеславец намекнули.

¹ Послы.

Рассказывали вернувшиеся из Мурома бояре, как загорелись глаза у Давида. Вмиг и про зятя Святослава, погибшего под Коломной, вспомнил, и про прежние обиды, кои ему рязанские князья чинили, рассказывать принялся. А чего — пусть забирает грады. Сторона лесная, рубежная, беспокойная. Такую под свою руку принимать — хуже горькой редьки с ней намучаешься. Словом, не жалко.

Зато теперь рязанцу точно несдобровать. Разом с трех сторон примутся его бить. Сам Ярослав с Юрием сызнова под Коломну подойдут, а взяв ее да через Оку перейдя, начнут один за другим города зорить да селища жечь. Тесть бывший, Юрий Кончакович, вместе с ханом Котяном с юга со своими полчищами налетят. Ну а с третьей стороны Давид Муромский с мордвой нагрянет.

А у Константина вдобавок ко всему еще и Рязань не отстроена. Никуда он свои дружины от града стольного, который ныне без стен, двинуть не посмеет. Но если и отважится, то снова на хитрость Ярославову напорется. Он же куда пойдет? Непременно вниз по Проне-реке рати двинет, чтобы половецкий набег отбить. А почему? Да потому, что именно в том и сокрыта хитрость, что согласно уговору с Юрием Кончаковичем и Котяном напасть половецкие ханы должны не позднее Рождества богородицы, что приходится на восьмое сентября. Пока к Константину прискачут гонцы с южных рубежей, пока тот рать свою спешно соберет — на все про все Ярослав отводил пять, от силы шесть дней. Да еще три дня он добавлял на то, чтобы все рязанские войска оказались у южных границ.

Вот тогда-то они с братом Юрием и ударят. Аккурат в день страстей Веры, Любви, Надежды и матери их Софии¹.

Более того, если вдруг половцы замешкаются, либо сам Константин почему-либо запоздает с выступлением, то тут рязанцу вторая ловушка подсовывалась. Спустя пять дней после предполагаемого нашествия половцев в пределы ря-

¹ Этот праздник на Руси в XIII в. отмечался 17 сентября. — *Здесь и далее все даты указаны по старому стилю.*

занских земель с запада должен вторгнуться Давид Муромский вместе с мордовским князем Пурешем.

Вот и получалось, что даже если Константин окажется еще поблизости от Рязани и решит махнуть рукой на свои южные пределы, то повернет не на закат, торопясь к Коломне, а на восход, к муромскому князю, решив, что и Ярослав с Юрием идут на Рязань вместе с Давидом.

То есть удар владими́ро-суздальских князей по своей очередности окажется лишь третьим, хотя по силе и будет самым главным. А Константин пусть и получит о нем восточку, но все одно — поделаться ничего не сможет. Не разорваться же ему натрое. Да пускай он даже и развернется от половцев или от Давида, метнется к ним — что проку? К тому времени и без того немногочисленная рязанская рать в схватках со степняками, муромцами и мордвой изрядно обескровится, и ее можно брать голыми руками.

И даже хорошо, если Константин сумеет одолеть всех их союзников: делиться не придется. И другое замечательно: разбив их, рязанец успеет заслонить столицу, то есть грядет бой, которого Ярослав жаждал. Взять реванш за совершенно случайное поражение, кое вдобавок добыто нечестным путем, — что может быть слаще перед приятным дележом добычи с братом Юрием. А в том, что верх будет за ними, Ярослав не сомневался. Когда рязанская рать вернется с восточных рубежей, измотанная стремительными переходами и обескровленная яростными сечами, одолеть их окажется легче легкого.

Нет, не зря он летом доверился Гремиславу. Да и тот вовремя угодил в опалу. Все как нельзя лучше вышло. И девку Константина в Березовке достал, и стольный град сумел запалить. А рязанцу на будущее наука — пусть знает, супротив кого посмел меч поднять.

Словом, расчет у Ярослава — как ни крути, как ни верти, сколько ни придирайся — верный. Не миновать ныне Константину не просто поражения, но полного разгрома, а стало быть, у него, Ярослава, земель поприбавится. Он и без того изрядно округлил свои владения. Старший брат, когда скляница с лекарством оказалась «нечаянно» разбитой, тем

же вечером впал в беспамятство и не успел выделить своим сынам уделы, как собирался. Юрия же Ярослав уговорил не спешить, указав на то, что братаничей при отсутствии у них собственных земель, даже после того, как они вырастут, куда легче держать в руках.

Напомнил он и о том, что жена Юрия, Агафья Всеволодовна, на сносях, и, если родит ему второго сына, его тоже надо будет наделять землями, и не скупясь. А кто ведает, сколь их ему еще черниговка нарожает. Вовремя и дядя Андрей Боголюбский в памяти всплыл. Он-то даже вдову отца Ольгу не пожалел, вместе со своими единокровными братьями, среди коих и их батюшка Всеволод был, аж в Константинополь выгнал. А почему? Да чтоб всю землю самовластно в руках держать. Да и сам батюшка впоследствии с детьми своего старшего брата Ростислава — Мстиславом да Ярополком — тоже не церемонился, даже ослепить их повелел.

Юрий все это слушал, крестился, вздыхал и... соглашался. Решили с выделением пока что обождать, а когда старший из Константиновичей Василько войдет в пору, достигнув хотя бы пятнадцати лет, тогда и думать, как и что. Жаль, братец по своему благодушеству не до конца поддался уговорам Ярослава и выделил кой-что немедля. И хоть Переяславль Русский далеко, отдавать его Константиновичам все равно было чуточку жалко. Уж очень удобно лежал град — близехонько к Киеву. Если что — до Святой Софии один прыжок. В ночь скрытно вышел, а поутру перед тобой ее золотые купола.

Ну да господь с этим Киевом — поважнее дела имеются, да и куски пожирнее. Ведь прочие земли бесхозными оставлять нельзя — стало быть, надо поделить поровну. Юрию, как старшему, достались наследные города — Ростов Великий, Стародуб и Юрьев-Польский, а Ярославу пополюше — Углич, Кострома и все Заволжье.

Вроде бы несправедливый дележ, но Ярослав предложил его сам, прекрасно сознавая, что делает. Тем самым он и покорство брату выказал — мол, на лучшее не только не зарюсь, а сам отдаю. Но взамен получил ширь необъятных зе-

мель, а вместе с ними почти весь волжский путь и доступ к богатейшим лесам. Опять же и новгородские владения рядом — рукой подать. Сызнова заупрямятся — всегда их отсечь можно. Хлебом-то их и немецкие купцы выручат, да и тесть Мстислав снова может из Галича прибежать на выручку, а вот где они меха для торжищ возьмут?

И еще два обстоятельства немаловажных имелось.

Первое — Константиновичи. Когда придет время выделять им что-то, Ярослав напомним, в чьих руках все владения погибших братьев. Да и устыдится Юрий голые земли сыновцам давать, а значит, из своего куски вырывать станет.

Второе — Рязанское княжество. О нем Ярослав сразу помянул, во время дележа. Мол, ныне он отдает брату самое лучшее, но пусть и тот впоследствии не скупится. Опять же и граничит оно именно с его владениями. В мыслях же было прибрать к рукам сей жирный кус, а уж тогда, совсем осильнев, можно со временем и с братцем Юрием за великое княжение потягаться.

Отовсюду хорошо выходило. Так хорошо, что прямо тебе живи да радуйся... если бы не жена — дурища беспросветная.

Одно славно — в чем в чем, а в отсутствии верности Ростиславу не упрекнуть. Не далее как вчера вечером он как бы в шутку поинтересовался, что она делать станет, ежели его, Ярослава, убьют на поле бранном. Так она, зардевшись жарким румянцем, заявила, что после такой вести и седмицы лишней не останется в Переяславле.

— Сызнова к отцу, поди, поедешь? — осведомился лукаво.

— Он вдове уж не заступник, — холодно ответствовала Ростислава. — А монастырей и у нас много. Что близ Ростова, что близ Новгорода. Сыщется и для меня уголок.

И дернула нелегкая Ярослава намекнуть, что в старину жены славянских вождей не в монастырь, а на погребальный костер восходили следом за мужьями, добровольно мученический венец на себя возлагая. И ведь в шутку он такое сказал, а она губы поджала, всерьез восприняла.

— Для иной вдовы в монастырь уйти — тот же мученический венец, — ответствовала строго и добавила загадочно: — Я для себя, наверное, и впрямь избрала бы конец полегче да побыстрее. А там как знать.

Совсем она его этими словами растрогала, и уже порешил было Ярослав снять с себя свой добровольный обет и, не дожидаясь окончания последнего месяца, осчастливить Ростиславу, заглянуть к ней в опочивальню, да она сама, как на грех, все испортила. Сверкнула своими глазищами, ставшими черными, как угли, и задала ехидный вопрос. Дескать, княгини-то за князьями в огонь шагали, а вот чтобы князья при утере супруги так поступали — ни разу не слышала. Как, мол, сам Ярослав отважился бы на такое, если б овдовел, али струсил бы?

Вот дура так уж дура! Понятно, чем дело закончилось. Вспылил он сызнова, развернулся и вышел из ее покоев, ни слова не сказав. А что тут говорить, когда и так все ясно. Одно дело — баба, а совсем другое — муж, вдобавок князь. Нашла кого с кем равнять. На такое и отвечать соромно.

Хотя... Вопрос-то она глупый задала, но до того ведь строго пообещала: случись что с ним, Ярославом, и она боле седмицы в Переяславле не задержится. Получается, в монастырь уйдет. А у Ростиславы слово — камень. Коли пообещала что — выполнит непременно. Стало быть, любит его княгиня. Ох и любит! Ну а что ума бабе бог не дал, так на то сам Ярослав есть. У него, чай, и своего на двоих хватит. Да и ни к чему ей ум-то.

От этих мыслей у Ярослава не просто спал гнев. Он даже улыбаться стал, да и на первом ночном привале тоже веселился: и Ингваря мрачного тормошить успевал, и над боярами своими не раз подшутил.

Ну а раз князь весел, дружине тоже печалиться ни к чему. Это ничего, что битва впереди ждет, что не все после нее назад вернуться. По молодости всегда мыслится, что, может, кому иному в удел полторы сажени земли уготованы, но не тебе самому. А у Ярослава на сей раз из тех, кому за тридцать стукнуло, не больше десятка осталось. И это на все четыре сотни.

Опять же позволил князь пару-тройку бочонков хмельного меду почать. На всю дружину такое количество, конечно, не столь уж и велико, но веселья все одно добавляет. Да и скорость на дневных переходах не утомительная. Шли никуда не торопясь, давая время догнать их небольшое войско союзным полкам из Ростова, Ярославля, Углича, из прочих земель Владимиро-Суздальской Руси, чтоб и с Заволжья успели вовремя подойти.

Общий же сбор был назначен у истока Клязьмы, в том месте, где она подходит ближе всего к Москов-реке — и двадцати верст не будет, если брать по прямой. По Клязьме должно было подойти на ладьях и все пешее ополчение брата Юрия, и прочие дружины.

Место общего сбора было удобным еще и потому, что недалеко на Москов-реке стоял одноименный град. Хотя, конечно, сельцо это градом трудно назвать, разве что исходя из того, что там все-таки имелся захудалый кремник¹, но тут суть была в другом. Во-первых, можно было устроить для всех какой-никакой отдых, во-вторых, пополнить припас, подковать лошадей, подправить доспех. В-третьих, там уже с лета трудились мастера и должны были изготовить нужное количество ладей, на которых Ярослав планировал, подобно пращуре Святославу, аки барс, молниеносно прыгнуть с Москов-града на Коломну.

Почему именно на нее? А в этом опять-таки хитрость имелась. Хотя Ярослав предусмотрительно распорядился слегка попрिдержать рязанских купцов, да и прочих, кои на юг направлялись, чтоб они лишнего не разболтали, Константин все равно мог случайно услышать про собираемое воинство. Но, гадая, куда оно направится, непременно решит, что Ярославу с Юрием куда выгоднее держать путь из стольного Владимира по Клязьме до Оки, а там напрямик к Рязани. А уж когда до него донесется весточка о муромских полках, Константин, вне всяких сомнений, подумает, что с ними следуют и владимирцы с переяславцами и прочими, а

¹ К р е м н и к, или детинец — так у славян называлось огороженное деревянными стенами укрепленное ядро города. Отсюда и более позднее слово «кремль».

потому про северо-западные рубежи и думать забудет. А уж про Коломну и вовсе не вспомянет — в одну точку и стрела дважды не бьет.

Была у Ярослава и еще одна причина начинать с Коломны. Взять ее означало доказать — и в первую очередь самому себе, — что январское поражение не более чем досадная случайность, которую усугубил Константин своими подлыми рвами и не менее подлым ударом в спину.

Правда, получалось, что ныне и сам Ярослав тоже в какой-то мере поступает не совсем честно. Мысль об этом не раз приходила в голову князю, но он всякий раз успокаивал себя тем, что с волками жить — по-волчьи выть. Опять же, если разбираться, — он ничегошеньки не таил, шел в открытую. А что Константин не угадает его план, в том вины переяславского князя нет. Думать лучше надо было, вот и все.

От сладостных фантазий князь даже на секунду зажмурился, представив, как запылают рязанские грады на Оке, которые он, Ярослав, будет походя зажигать на своем пути к Рязани. Впрочем, запылают они не только на Оке, но и на Проне тоже, включая и Пронск, и этот, как его, Ряжск, совсем недавно поставленный рязанцем. Но о них, да и вообще обо всей южной окраине позаботится его бывший тещинка. Юрию Кончаковичу Ярослав клятвенно пообещал, что коли тот первым доберется со своей ордой до Рязани, то две трети от всей добычи после разгрома Константиновых дружин и взятия столицы достанутся ему.

Известное дело, басурманину, хоть он и крест на груди носит, главное — вволю пограбить. Ну и пусть его. Жалко, что ли, чужого добра. У него, Ярослава, цель иная, можно сказать, святая — за смерть братьев воздать.

Негоже, конечно, получилось со старшим братом. И со-роковин ждать не стали.

— Ничего. Мы ему тризну в походе справим. Из Коломны костер погребальный учиним, а в жертву целое войско принесем. Куда как любо. То-то ему с небес сладостно взирать будет, — торжественно пообещал он Юрию.

И все у Ярослава на сей раз на лад шло. Как и планировалось изначально, находясь еще в трехдневном переходе от

Коломны, он благополучно соединился с братом Юрием. Даже погода ему несказанно благоприятствовала — ни одного дождя не прошло за все то время, пока они до Коломны добирались.

Если бы шибко шли, то, опережая предварительные расчеты, добрались бы до нее дня на три-четыре раньше намеченного. Но опережать события, а главное — действия своих союзников, было не след, и потому войска пришли строго к намеченному сроку. Пришли и... встали в недоумении. Оказывается, им первым делом придется не город брать, а сызнова с Константином Рязанским биться, ибо вои его, находясь в двух верстах от города, уже поджидали неприятеля.

Было от чего насторожиться Ярославу...

Глава 3 ЗА ОДНОГО ВИТОГО...

Потомки же скажут — его победа была легкой,
и еще приплетут мораль.
Но стратегия и мораль редко складываются
в компромисс...
Ольга Погодина

Это лишь дурень, у кого голова соломой да мякиной набита, на одни грабли второй раз наступит. Князь Ярослав, пройдя зимой хорошую выучку, ныне не торопился. Оно конечно, людишек у них с братом куда больше, чем у Константина. С их владимирскими силами пятитысячную рязанскую рать и сравнивать глупо. Они ведь с Юрием на сей раз, почитай, все земли свои без люда оставили. Зато пеших воев у них тысяч двадцать, да еще с немалым гаком, плюс к тому изрядные дружины общим числом свыше четырех тысяч. Это же какая силища! Никому не устоять.

И все-таки что-то Ярослава настораживало. Что-то смущало его в поведении рязанца. Не самоубийца же он, в конце концов, чтобы принимать открытый бой при таком неравенстве сил.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i> Думная светелка	5
<i>Глава 1.</i> Четвертая София, или Княжеское поручение	11
<i>Глава 2.</i> Тройной охват	27
<i>Глава 3.</i> За одного битого...	42
<i>Глава 4.</i> Что бог ни делает...	61
<i>Глава 5.</i> Половцы	72
<i>Глава 6.</i> Муромский прорыв	89
<i>Глава 7.</i> Я тут всерьез и надолго	103
<i>Глава 8.</i> Сам промахнулся, сам и выкручусь	123
<i>Глава 9.</i> В духе Великого Комбинатора	136
<i>Глава 10.</i> И готово, да бестолково	149
<i>Глава 11.</i> Так рождаются реликвии	160
<i>Глава 12.</i> Мы поздно встретились....	177
<i>Глава 13.</i> Русалий обруч	187
<i>Глава 14.</i> Разговор с водяным	203
<i>Глава 15.</i> Ты только живи	216
<i>Глава 16.</i> Над границей тучи ходят хмуро	235
<i>Глава 17.</i> Эдисон Кулибиныч	249
<i>Глава 18.</i> Южная сфера интересов, или Украинский Крым	266
<i>Глава 19.</i> Не люб ты мне, княже	282
<i>Глава 20.</i> По законам военного времени	303
<i>Глава 21.</i> Приговор	315
<i>Глава 22.</i> Здесь уговорился, там не договорился	329
<i>Глава 23.</i> Не было печали!	347
<i>Глава 24.</i> Старый, но недобрый знакомый	365
<i>Глава 25.</i> Надейся, но и готовься	382
<i>Глава 26.</i> Сверх всяких ожиданий	393
<i>Эпилог.</i> Дан приказ ему на Запад...	426